
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПОЗИТИВНОЙ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ

С.В. Ионова

Кафедра русского языка и документалистики
Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, Волгоград, Россия, 400062

В статье обсуждается вопрос об эмоциональной значимости позитивной формы речи. С основой на методологию лингвистики эмоций, лингвоэкологии, коммуникативной лингвистики и методах описания, сопоставления, дискурсивного анализа, выделяются такие виды речевых ситуаций, в которых видны расхождения между позитивной формой выражения эмоции и их содержанием и прагматической направленностью. Демонстрируются различия понятий «позитивная коммуникация» и «позитивная форма коммуникации». Особое внимание уделяется следующим видам эмоционального общения в позитивной форме: толерантному эмоциональному общению, эмоциональному акцентированию, эмоциональному игнорированию, эмоциональному табуированию. На материале высказываний в ситуациях естественной и текстовой коммуникации демонстрируются негативные эффекты высказываний, выраженных в позитивной форме, выделяются особенности позитивных форм в эмоциональном общении по сравнению с рациональной коммуникацией.

Ключевые слова: эмоция, эмотивность, коммуникация, экология общения, эмоциональное и рациональное общение, позитивная форма речи, негативный эффект речи.

Эмоциональная сфера составляет ядро человеческой личности, затрагивает систему его ценностей, личностных смыслов, мотивов, физических рефлексов и социальных чувств — чести, достоинства, престижа, репутации. Именно поэтому нарушения баланса в этой сфере являются зримыми, имеют очевидные психологические и социальные проявления, остро переживаются участниками коммуникативных ситуаций. Значительная часть неэкологических речевых действий связана именно с эмоциональной сферой общения, поскольку не существует неэмоциональных языковых личностей и все языковые, речевые, текстовые произведения, создаваемые *homo sentries*, всегда актуально или потенциально эмотивны [13].

В лингвоэкологических исследованиях чаще всего рассматриваются неэкологичные эмоциональные речевые действия, характерные для межличностного общения и для социальных коммуникаций. Неэкологичное общение основывается на использовании коммуникантами речевых действий, ведущих к деструкциям разного рода (деструкция от лат. *destructio* — разрушение). В межличностном взаимодействии деструкции проявляются в таких формах контактов, которые затрудняют или делают невозможными позитивные отношения между людьми, пагубно сказываются на человеке или обоих партнерах: разрушение дружеских, любовных отношений, искренности, тепла и доверительности общения, утрата личных контактов. В социальных интеракциях нетолерантная коммуникация нарушает или прекращает действие традиций, общественных правил, этических норм, приемлемого стиля взаимодействия, что ведет к появлению беспорядка, хаоса, массовой агрессии, социальной розни, падению нравов. Потери, которые несут отдельные коммуникан-

ты и целые человеческие сообщества, очевидны: они изменяют привычный уклад жизни и мышления людей, возбуждают в них низменные чувства и инстинкты, мотивируют совершение негативных поступков.

Наиболее очевидными примерами деструктивных речевых действий являются такие, которые облакаются в резкую, категоричную форму с использованием ненормативной — грубой и нецензурной — лексики, которая достаточно ясно маркируется в языковом сознании говорящего и адресата его речи. Использование в речи нецензурной и бранной лексики в инвективной функции — с установкой на оскорбление предполагает не только общественное порицание, но и наказание по закону (см., например: УК РФ ст. 130).

Однако, как показывает дискурсивная практика, установить прямую зависимость характера общения (экологичного/неэкологичного) от модуса реализуемых эмоций (положительных/отрицательных) и от типа эмотивных знаков, реализующих эти эмоции, не всегда возможно. Безусловно, неприличная или просто чрезмерно экспрессивная форма публичного выражения эмоций нарушает нормы общественной морали, принятые в данном социуме представления о приличии/неприличии. Но только в том случае, если нарушаются этико-языковые оценки (а не только языковые нормы), эмоциональное общение приобретает деструктивный характер [9. С. 18—19] и расценивается как неэкологичное. При этом замена нецензурных слов «приличными» далеко не всегда решает проблему неэкологичного общения.

Деструктивная роль речевых действий в эмоциональном общении должна определяться с учетом множества факторов, не только на уровне анализа языковых проявлений и вербалики речевой агрессии, но и на более глубоких уровнях эмоционального «поражения».

Все эмоциональные явления характеризуются искренностью, непосредственностью, истинностью. Форма вербального выражения, напротив, преднамеренна, обладает асимметрией означаемого и означающего [4; 17]. Социологизированность и типизированность языковой фиксации эмоциональных явлений обуславливают возможность их вариативного выражения в знаковой форме, и тогда намерение говорящего может порождать многообразные, в том числе нежелательные для него, эмоциональные эффекты.

Цель данной статьи — рассмотреть примеры речевых вариантов использования позитивной формы коммуникации и его возможных результатов. В отличие от позитивной коммуникации, которая может определяться как речевое взаимодействие, имеющее положительный эмоциональный результат, в какой бы форме она не протекала. *Позитивная форма коммуникации* — это такое речевое взаимодействие, которое осуществляется в формах, расцениваемых в языковом сообществе как типично положительные, но не обязательно имеющие позитивный коммуникативный результат. Рассмотрим следующие виды ситуаций общения, опосредованных позитивной лингвистической формой: 1) этикетное общение; 2) толерантное эмоциональное общение, 3) эмоциональное акцентирование/игнорирование, 4) эмоциональное табуирование/детабуирование.

Названные речевые формы созданы в человеческом сообществе с целью гармонизации коммуникативных процессов, придания им культурной значимости и социализированности, отмежевав от стихийного проявления эмоций (как природного образования) и нерегулируемой экспрессии человека. В то же время мера естественности и социологизированности эмоциональных явлений в каждом из типов ситуаций общения и этнических сообществ различна. При этом грань, отделяющая норму от не-нормы, столь тонка, что даже опытному коммуниканту не всегда удастся предугадать результат своих речевых и неречевых действий, а человеку, не озабоченному точностью выражения своих интенций, не составляет труда перейти грань коммуникативных норм.

1. Этикетное общение

В разных типах культур существуют свои традиции полноты вербального выражения эмоций.

Язык является не только средством трансляции наших мыслей и чувств, но также выступает культурно обусловленным явлением, в нем находят воплощение основные ценности того или иного этноса. Так, в восточных культурах речевое общение следует принципам «правильного» поведения и речи, в котором приветствуется «изысканное молчание»: то, что выражено языковыми средствами, и то, что в действительности подразумевается, — «не всегда одно и то же», человек, выражающий чрезмерные эмоции — «незрелый человек» [2. С. 130—133]. В этикете Японии отсутствует культура «уступи даме место», «подними ее чемодан на полку», «открой даме дверь» [1]. Различаются в разных культурах и этикетное поведение, включая протокол высших государственных чиновников.

Так, во время саммита АТЭС в Пекине все камеры Центрального телевидения Китая сняли, как «российский президент ухаживал за супругой лидера КНР». «Во время делового общения Владимир Путин укрыл Пэн Лиюань пледом», — написала «Foreignpolicy.com». Акт вежливости со стороны Президента России вызвал интенсивную реакцию в принимающей стране: известно, что спустя несколько часов кадры из видео были вырезаны, видео начало пропадать со всех китайских порталов, где было размещено. В течение нескольких часов китайские новостные сайты убрали видео со своих сайтов, а цензоры вычистили видео из социальных сетей [1].

Эмоциональные эффекты от произошедшего выражены в многочисленных публикациях СМИ разных стран мира и являются очень противоречивыми. С одной стороны, жест Президента России в отношении первой леди Китая был расценен как галантность Путина, как поступок, который «взорвал Интернет, размазав жующего Обаму», как разрушение условностей дипломатического протокола. Телеканал CNN оценил хорошие манеры российского лидера и даже попытался найти в его галантности политическую подоплеку: «До сих пор непонятно, каковы были намерения Путина. Хотел ли он добавить тепла в отношения Москвы и Китая или просто холодный воздух сыграл роль?» [1]. Другие западные журналисты придумали этому поступку номинацию — Coatgate (от англ. *coat* — пальто). Пресс-секретарь Владимира Путина Д. Песков назвал его нормальным побуждением:

«Традиция не традиция, женщина не женщина, а прохладно всем одинаково». То, что наш Президент подал плед женщине — «это нормальное побуждение, нормальный поступок, который сделал бы, наверно, абсолютно каждый» [9]. В противовес западному и российскому взгляду на описанную ситуацию его оценки в Китае имели принципиально иной характер: «оскорбил», «унизил», «нарушил», «непонятно», «инокультурный жест», «неловкая ситуация», «слишком активный гость», «фамильярность», «оттенок интимности», «флирт», «снисходительность», «покровительство»: «Вот он, белый мужчина, как в старые времена Чжо-Чжо-сан, с оттенком превосходства обхаживает азиатку» [1].

Как следует из полярных оценок одного и того же этикетного действия в приведенных примерах, экологичность — категория относительная, тесно связанная с ситуацией общения (в том числе межкультурного взаимодействия), ее пресуппозицией, целями, характеристиками ее участников. Жест, слово, действие, не являющиеся экологичными или неэкологичным сами по себе, приобретают это качество в дискурсе.

Экспрессия, нарушающая этикетное общение, может расцениваться также как знак стиля личности. Так, эпатажное поведение некоторых лидеров стран и правительств строится на запланированной демонстрации личностного начала в ущерб общепринятым нормам (преодолении предрассудков и снятии дистанций). Их этническая или культурная самобытность (так же, как и индивидуальность рядовых носителей языка) основывается на соотношении эмоциональности и эмотивности их знакового выражения. В первом случае они оказываются более искренними (природными), во втором — более этикетными (социализированными).

Таким образом, к перечисленным выше переменным, которые необходимо учитывать в эмоциональной ситуации, добавляются новые, обеспечивая еще большую многозначность коммуникативных эффектов.

2. Толерантное эмоциональное общение

Наиболее очевидным проявлением неэкологичной коммуникации являются ситуации конфликта — столкновения противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанные с отрицательными эмоциональными переживаниями. Чаще всего основу конфликтных ситуаций в группе составляет столкновение между противоположными мотивационными основами — интересами, мнениями, целями, различными представлениями о способе их достижения, ценностями.

Именно в таких ситуациях возникает необходимость в актуализации толерантного поведения, которое предполагает асимметричное коммуникативное поведение участников конфликтной ситуации. Быть толерантным — означает терпеть, сносить, мириться с человеком, его поведением, идеями и т.п., которого или которой в действительности не одобряешь [6]. В этом смысле толерантное речевое поведение направлено на сдерживание неприязни, с отложенной негативной реакцией или с заменой ее на более позитивное реагирование [Там же].

Рассмотрим пример. Истеричное поведение матери перед бракоразводным процессом, имеющее экспрессивные формы, направлено на развитие конфликта:

Мать: Ты тварь, твой папа тварь, гадкая тварь, которая подохнет, я его ненавижу, и тебя ненавижу, так же самое, как твоего папу, что тебе еще надо от меня? Ребенок им нужен... Посмотреть, как вы будете ребенка ненавидеть, вы не сможете его нормально растить. Суд покажет... Вы извели меня, ты и твой папа...

Сын: Мама, тебе надо успокоиться. Ничего страшного не происходит, я буду с тобой (Из материалов гражданского дела).

Эмоциональное речевое поведение матери в приведенном примере связано с выражением не только сложного эмоционального состояния, но и эмоционального отношения к близким, в том числе к сыну-подростку, втянутому в эту ситуацию. Оно может характеризоваться как крайне негативное, высокоинтенсивное и конфликтное, поскольку негативное отношение к лицу всегда ярче и сильнее, чем к артефакту, а эмоции, связанные с эстетическим отношением к внешности человека, являются не столь интенсивными, как в случаях отношения к целенаправленной деятельности и качествам человека.

Реакция сына, который оказался свидетелем и отчасти адресатом негативных речевых действий матери, могла быть агрессивной, развивающей конфликт, или, напротив, депрессивной, формирующей жертвенное безразличие [16]. Возможной формой реагирования здесь является и применение агрессивных острот, которые позволяют «сэкономить на брани» — «изысканная форма постоять за себя, ответить обидчику, переадресовав ему его оскорбление» [12. С. 275]. Для разных типов личности свойственны разные стили выхода из состояния эмоциональной напряженности: вербальной агрессии, демонстрации обиды, смеховой реакции, иронии и др. И в этом смысле нетолерантные реакции часто являются естественными и даже желательными в ситуации конфликта. Они несут в себе наряду с негативным модусом общения реализацию эмоциональной разрядки, снятия напряжения, а иногда и решение проблемы.

В приведенном выше примере речевое поведение сына проявилось в наиболее приемлемой для нейтрализации конфликта форме толерантного реагирования. Им была применена тактика, обозначаемая учеными как тактика эмоционального «совладания», подавления эффекта эмоционального заражения и негативных эмоциональных реакций на обидные слова близкого человека.

В межличностном общении такое поведение, как правило, ведет к снятию конфликта или его мирному разрешению, что делает подобное речевое взаимодействие экологичным. Однако в большей степени сдерживающее речевое поведение бывает приемлемо для участников неэмоциональных ситуаций общения, где рациональные доводы, нейтральное или отсроченное реагирование на стимул легко регулируются говорящими. В эмоциональных коммуникациях, затрагивающих основы не только социальной, но и физиологической природы человека, опосредованных механизмами эмпатии, тактики эмоционального «совладания», сдерживания не являются естественными и требуют значительных психологиче-

ских усилий от участника конфликтной ситуации. Регулярное их применение, по мнению ученых, является разрушительным для психологического здоровья «терпящей» стороны. Известно, что существуют целые группы профессий (например, педагоги) с риском эмоциональной деструкции в отношении их здоровья, которые, добиваясь гармонии в межличностной, групповой, социальной коммуникации, используют по сути разрушительные для себя тактики эмоционального речевого поведения.

3. Эмоциональное акцентирование/игнорирование

Явления эмоционального акцентирования и игнорирования в речи касаются преимущественно положительных эмоций, особенностей их использования или неиспользования в определенных коммуникативных ситуациях. Игнорирование — умышленное невнимание, пренебрежение — применяется как средство влияния и как средство защиты от опасного влияния.

С точки зрения лингвистики, эмоциональные высказывания не предполагают рациональной рефлексии [17], они требуют эмоциональной реакции любого рода (*Молодец! Знай наших! А мне не нравится!*), в том числе фатической (*Ну? Ага! Да-а!*). С точки зрения психологии, это связано с необходимостью «вербальных поглаживаний», которыми обмениваются люди в межличностной и групповой коммуникации для сохранения психологического баланса взаимоотношений [8]. Форму наиболее глубокого эмоционального поражения человека в неэкологичном общении представляет эмоциональное игнорирование, затрагивающее уровень фундаментальных базовых установок, личностных смыслов.

К способам предотвращения ощущения эмоционального игнорирования относятся речевые действия, направленные на поддержку, убеждение, приободрение, воодушевление, успокоение, утешение, повышение настроения партнера по коммуникации, которые можно рассматривать как варианты психологических «поглаживаний». Использование этих речевых действий не означает лживого характера речевого поведения, которое связано с рассогласованием слов и называемых ими фактов.

В сфере эмоций действуют явления иной природы: эмоции непосредственно не связаны с фактами, а отражают отношение к ним, и такая связь не может быть полностью верифицирована. Однако эмоции могут быть неискренними, когда адресатом отчетливо ощущается резкое несовпадение истинного и вербализуемого эмоционального отношения к нему говорящего, которое стало предметом сознательного планирования и употребления тех или иных средств [11. С. 29].

В этих случаях наиболее отчетливо проявляются используемые говорящим приемы эмоционального акцентирования, например, лести — инструмента умелого корыстного манипулирования адресантом эмоционального состояния адресата с целью изменения этого состояния [7. С. 98].

Лесть дезориентирует адресата, вводит в заблуждение, поскольку акцентированные качества не всегда соответствуют реальному положению дел, она неискренна, но в то же время при умелом вербальном выражении она принимается адресатами, хотя «благосклонно скорее будет воспринята не грубая, а тонкая лесть» [11. С. 29].

Эмоциональное акцентирование — это механизм использования положительных эмоций как регулятора эмоционального состояния человека или взаимоотношений между коммуникантами. При этом такое качество эмоций говорящего, как их искренность (соответствие переживаемых и выражаемых эмоций), не является релевантным для получения результата речевого действия. Так, глаголирующие речевые жанры *комплимента, похвалы, благодарности, поздравления* и др. в их письменной и устной реализации направлены на гипертрофированное выражение положительного отношения к адресату речи. В них выделяются и акцентируются ценностные константы человеческой жизни, социальных отношений, черт характера и способов самовыражения отдельных людей.

Эколингвистическая ценность глаголирующих жанров и торжественных текстов определяется не абсолютной, а относительной мерой позитивности выражаемых эмоций. Так, положительная оценка, выражаемая в текстах благодарностей, может стать предметом разногласий и конфликтов в коллективе, если ее представить клишированной формой высказываний в адрес одних сотрудников (*«за добросовестный труд»*) и неформальных и эмоциональных высказываний в адрес других (*высокое служение, опыт, помноженный на знания, миссия первопроходцев, символ мудрости и душевной щедрости, душевное тепло и опыт, высочайший профессионализм, сердечная благодарность, неоценимый вклад, ценой огромных усилий, выбрали для себя нелегкий путь и др.*).

Парадоксальность описанной ситуации состоит в конфликте явлений эмоционального акцентирования и эмоционального игнорирования в отношении одних и тех же текстов. По мнению адресатов, получивших формальные благодарности, они были недостаточно оценены и выделены руководством по сравнению с коллегами, которые получили эмоциональные тексты. Ситуации несоответствия уровня притязаний человека и степени акцентирования ее участниками воспринимается как ситуация неэкологичного взаимодействия и связывается с эмоциональным игнорированием, несмотря на то, что она опосредована исключительно положительными эмоциями. В этой связи следует предположить, что экологичность общения должна оцениваться не только, а возможно, и не столько по модальности и оценочному знаку эмоции, сколько по соответствию способа ее выражению целому ряду параметров коммуникативной ситуации.

4. Эмоциональное табуирование/детабуирование

В лингвистическом плане табу соотносится с запретом или ограничением на употребление слова по причине нежелания нарушения коммуникативных норм поведения, цензурных и традиционных запретов, боязни использования грубых и неприличных выражений, оскорбляющих чувства людей. В применении к эмоциям табу прививаются с детства и состоят в ограничениях, накладываемых на интенсивное выражение чувств, негативных или позитивных переживаний. Психологи советуют в период, когда ребенок маленький и не понимает, что с ним творится, эксплицитно обозначать его чувства и эмоции, например: «Я вижу, как ты гневаешься, как тебя что-то не устраивает», «Ты огорчен своей неудачей, но это

не страшно» [12]. Вместо этого при выражении своих эмоций ребенок, как правило, слышит: «Сейчас же замолчи», «Перестань», «Мальчики не плачут», «Девочка должна быть сдержанна» и др. Публичное проявление эмоции становится чем-то нежелательным и даже запрещенным. Выражение эмоций приветствуется лишь в поэтическом, возвышенном исполнении (вслед за строками великих поэтов). В то же время в психологии эмоций аксиоматично, что в отрицательных эмоциях больше энергии, чем в положительных, которые, в свою очередь, более терапевтичны, чем нейтральные состояния, поэтому эмоции надо выражать.

В лингвистике эмоций, в свою очередь, исследуются приемлемые вербальные формы проявления эмоций в той или иной социальной и национальной культуре. Именно социологизированное восприятие, по словам В.Н. Телия, «создает в картине мира презируемое, порицаемое, уничижаемое или, наоборот, уважаемое, такие свойства, которыми восхищаются, которым умиляются и т.д.» [13. С. 60]. Но если в рациональной коммуникации табу чаще всего рассматривается с точки зрения круга тем, запрещенных для обсуждения в данном социуме, то в эмоциональном общении важен их эмоциональный контекст. Если предмет речи может быть официально или неофициально запрещен, подвергаться цензуре, то проявление эмоций официально не регулируется, но негласно именно субъективное отношение к важнейшим реалиям времени становится поводом для преследований или объектом политической идеологии.

Нормы выражения психологических состояний и субъективной оценки изменяются во времени. Это касается не только формы выражения, но и эмотивного наполнения и коннотации важнейших понятий, способов именования предметов и явлений в разных социальных культурах, по которым можно оценивать в том числе процессы эмоционального табуирования и детабуирования.

Результаты проведенного нами ранее сопоставительного исследования наименований телепередач советского периода и современного телевидения при помощи приема анализа «включенных» и «исключенных» тем (что *показывают / не показывают* и о чем *говорят / не говорят*) показывают, что в наименованиях передач советского телевидения явно доминирует лексика положительной оценки по отношению к лексике негативной эмоциональной окраски (таковая имеется в незначительных количествах в названиях фильмов, а в наименованиях телепрограмм практически отсутствует), которая маркирует пусть декларируемые, но позитивные ценности общества. Современное телевидение, подчиняясь требованиям доминирующей эстетики безобразного, чаще эксплуатирует негативные понятия и их наименования. Вполне открытой сегодня для массового телезрителя является тематика преступных действий, часто включающих показ кровавых деяний, раскрывающих изощренные способы насилия; область физиологических потребностей человека (еда, секс, физиологические отклонения, извращения), область негативных ощущений (страх, боль, отвращение и т.п.) [2].

Эмоциональные сферы, которые долгое время считались принципиально непубличными, в наше время подвергаются детабуированию. Это относится в первую очередь к семантической сфере интимной жизни человека, «человеческого низа» и эмоциональных сфер смерти и физических страданий. Способом снятия негласных запретов на их демонстрацию становится повторяемость (цикличность,

серийность) и массовость тиражируемых образов вместе с воспроизведением их новых, приобретенных недавно эмоционально-оценочных координат. В результате этих процессов отрицательная оценочная семантика негативных понятий частично утрачивается, ужасающее содержание нейтрализуются, достигается эффект привыкания современного человека к агрессивному характеру информации, психотравмирующим изображениям и текстам, который неосознанно переводит информацию о противоестественных явлениях в ранг рядовых, обычных фактов [5].

Симптомом распространяющейся в обществе эмоциональной ригидности является спрос на появляющиеся в широком доступе контент, угрожающие эмоциональному здоровью и самосохранению человека. Например, «Как изготовить бомбу в домашних условиях», «Как безнаказанно совершить убийство» с детализированным содержанием: *«Вообще имеет смысл поразиться, насколько просты и очевидны способы совершения безнаказанных убийств. (...) Вы должны быть готовы к убийству психически, морально и физически. Если вам меньше 14 лет, можете смело резать бабушку. Уголовная ответственность за это не наступит (...)* (Имя автора и источник не рекламируются).

Таким образом, как психологически и социально немотивированное табуирование, так и стихийное детабуирование в области эмоциональной коммуникации приводит к лингвистически неэкологичным последствиям.

Приведенные в этой статье примеры разного типа коммуникативных ситуаций показывают, что экологичный/неэкологичный характер речевого взаимодействия их участников во многом определяется эмоциональным содержанием и контекстом высказываний, которые чаще всего имеют «приличную» упаковку. Несмотря на это, подобные речевые действия воспринимаются участниками коммуникации как деструктивные.

Неэкологичное коммуникативное поведение носителей языка сегодня имеет широкое распространение и рассматривается как «проблема лингвистической безопасности коммуникации, которая в современном обществе в последнее время становится все более актуальной не только в масштабах национальных интересов отдельных стран, но и мирового сообщества в целом» [3]. Именно поэтому необходимо тщательное изучение, описание и анализ видов деструктивного общения в аспекте эмотивной лингвоэкологии как нового направления теоретических исследований и практических действий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баунов А. Оскорбил ли Путин китайцев шалью. 2014. URL: <http://slon.ru/world/etiket-1182981.xhtml>.
- [2] Вежицкая А. Дискурс и культура // Жанры речи. Сборник научных статей. Вып. 3. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 118—158.
- [3] Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации // Научный журнал ГЛЭДИС. URL: <http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>.
- [4] Ионова С.В. Роль эмоций в процессе текстообразования: структурно-семантический аспект // Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2003. С. 120—134.
- [5] Ионова С.В., Шаховский В.И. Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект // Антропология языка. The Anthropology of Language: сб. статей. Вып. 2. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 137—149.

- [6] *Лекторский В.А.* О толерантности, плюрализме и критицизме // *Вопр. филос.* 1997. № 11. С. 46—54.
- [7] *Леонтьев В.В.* Культурно-обусловленные сценарии «PRAISE», «FLATTERY», «COMPLIMENT» в английской лингвокультуре (статья) // *Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций: научная конференция «Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен»: Материалы межд. конгресса. В 2-х частях.* Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та, 2005. Ч. 1. С. 97—101.
- [8] *Литвак М.Е.* Командовать или подчиняться? Изд. 4-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
- [9] *Песков Д.С.* Песков объяснил поступок Путина, укрывшего платком первую леди Китая // *Взгляд: деловые новости*, 11 ноября 2014. URL: <http://vz.ru/news/2014/11/11/714849.html>.
- [10] *Семенова Н.В.* Лингвистическая диагностика инвективного слова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- [11] *Сиротинина О.Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи — 2.* Саратов, 1999. С. 26—30.
- [12] *Таргакова М.В.* Психология обиды // *Психология третьего тысячелетия.* URL: psyfactor.org/lib/touchiness.htm.
- [13] *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // *Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* М.: Наука, 1991. С. 36—67.
- [14] *Труфанова И.В.* Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмоционального // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве.* Волгоград: Перемена, 2013. С. 260—274.
- [15] *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
- [16] *Шаховский В.И.* Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении // *Русистика.* Вып. 5—6. Киев: ВПЦ «Киевский университет», 2006. С. 13—19.
- [17] *Volek B.* *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian.* Amsterdam — Filadelfia, 1987.

EMOTIONAL EFFECTS OF POSITIVE FORMS OF COMMUNICATION

S.V. Ionova

Russian Language and Documentation Chair
Volgograd State University
Universitetsky Prospect, 100, Volgograd, Russia, 400062

The article discusses the problem of emotional significance of a positive form of speech. Based on the methodology of emotions linguistics, linguoecology, communicative linguistics and the methods of description, comparison and discourse analysis, the author distinguishes some types of speech situations that demonstrate visible differences between positive expression of emotions and their content and the pragmatic effect. The difference between the notions of “positive communication” and “positive form of communication” is demonstrated. Special attention is given to the following types of positive emotional communication: tolerant emotional communication, emotional emphasis, emotional neglect, and emotional tabooing. The utterances in situations of real and textual communication demonstrate negative effects of statements expressed in a positive form and identify the specifics of positive forms of emotional communication in comparison with rational communication.

Key words: emotion, emotiveness, communication, communication ecology, emotional and rational communication, positive form of speech, negative effect of speech.

REFERENCES

- [1] *Baunov A.* Oskorbil li Putin kitajcev shal'yu. 2014. URL: <http://slon.ru/world/etiket-1182981.xhtml>.
- [2] *Vezhbickaya A.* Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture] // Zhanry rechi. Sbornik nauchnyh statej. Vyp. 3. Saratov: Izd-vo GosUNC «Kolledzh», 2002. S. 118—158.
- [3] *Galyashina E.I.* Lingvisticheskaya bezopasnost' rechevoj kommunikacii [The linguistic security of speech communication] // Nauchnyj zhurnal GL'EDIS. URL: <http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>.
- [4] *Ionova S.V.* Rol' emocij v processe tekstoobrazovaniya: strukturno-semanticheskij aspekt // Emotivnyj kod yazyka i ego realizaciya: kollektivnaya monografiya. Volgograd: Peremena, 2003. S. 120—134.
- [5] *Ionova S.V., Shahovskij V.I.* Chelovek i ego yazykovaya sreda: `ekolingvisticheskij aspekt [A human being and his ecolinguistic aspect] // Antropologiya yazyka. The Anthropology of Language: Sb. statej. Vyp. 2. M.: Flinta: Nauka, 2012. S. 137—149.
- [6] *Lektorskij V.A.* O tolerantnosti, plyuralizme i kriticizme [On tolerance, pluralism and criticism] // Vopr. filos. 1997. № 11. S. 46—54.
- [7] *Leont'ev V.V.* Kul'turno-obuslovlennye scenarii «PRAISE», «FLATTERY», «COMPLIMENT» v anglijskoj lingvokul'ture (stat'ya) [Culturally stipulated scenarios «PRAISE», «FLATTERY», «COMPLIMENT» in English linguaculture] // Aziya v Evrope: vzaimodejstvie civilizacij: nauchnaya konferenciya «Yazyk, kul'tura, etnos v globalizovannom mire: na styke civilizacij i vremen»: Materialy mezhd. kongressa. V 2-h chastyah. `Elista: Izd-vo Kalmyckogo Gos. Un-ta, 2005. Ch. 1. S. 97—101.
- [8] *Litvak M.E.* Komandovat' ili podchinyatsya? [To order or to submit?]: Izd. 4-e. Rostov-na-Donu: Feniks, 2004.
- [9] *Peskov D.S.* Peskov ob `yasnil postupok Putina, ukryvshego platkom pervuyu ledi Kitaya // Vzglyad: delovye novosti, 11 noyabrya 2014. URL: <http://vz.ru/news/2014/11/11/714849.html>.
- [10] *Semenova N.V.* Lingvisticheskaya diagnostika invektivnogo slova [The linguistic diagnostics of an invective: Author's abstract of the thesis of candidate of philology]: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2008.
- [11] *Sirotnina O.B.* Nekotorye razmyshleniya po povodu terminov “rechevoj zhanr” i “ritoricheskij zhanr” [Some ideas concerning the terms “speech genre” and “rhetorical genre”] // Zhanry rechi — 2. Saratov, 1999. S. 26—30.
- [12] *Targakova M.V.* Psihologiya obidy [The psychology of an offence] // Psihologiya tret'ego tysyacheletiya. URL: psyfactor.org/lib/touchiness.htm.
- [13] *Teliya V.N.* Mehanizmy ekspressivnoj okraski yazykovyh edinic [Mechanisms of expressive tint of a language unit] [The linguistic security of speech communication] // Chelovecheskij faktor v yazyke: yazykovye mehanizmy ekspressivnosti. M.: Nauka, 1991. S. 36—67.
- [14] *Trufanova I.V.* Ekologichnye i neekologichnye rechevyje akty v sfere emocional'nogo [Ecological and non-ecological speech acts in the sphere of the emotional] // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve. Volgograd: Peremena, 2013. S. 260—274.
- [15] *Shahovskij V.I.* Lingvisticheskaya teoriya emocij [The linguistic theory of emotions]. M.: Gnozis, 2008.
- [16] *Shahovskij V.I.* Emocional'naya tolerantnost' v mezhpersonal'nom rechevom obschenii [Emotional tolerance in interpersonal oral communication] // Rusistika. Vyp. 5—6. Kiev: VPC «Kievskij universitet», 2006. S. 13—19.
- [17] *Volek B.* Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam — Filadelfia, 1987.